

ВЛІЯНІЕ НАРѢЗНАГО ОРУЖІЯ
НА
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТАКТИКИ.

(Продолженіе) ().*

ЗНАЧЕНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ ФОРМЪ ПОСТРОЕНІЯ ПѢХОТЫ
ДЛЯ БОЯ.

Приступая къ разбору того значенія, которое, подъ вліяніемъ нарѣзнаго оружія, пріобрѣтають различныя формы построенія пѣхоты для боя, считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о значеніи геометрическаго начала вообще въ военномъ дѣлѣ и о той преувеличенной важности, которую ему обыкновенно приписываютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что формы построенія имѣють своего рода весьма важное значеніе, которымъ нельзя безнаказанно пренеб-

(*) «Военный Сборникъ» 1861 г., №№ 2, 3 и 4.

регать. Попробуйте для пальбы на ровномъ мѣстѣ противопоставить развернутому баталіону баталіонную колонну, или, съ тою же цѣлью, развернутый баталіонъ стрѣлковой цѣпи (Лена, Ауэрштедтъ 1806 г.), или цѣпь атакующей кавалеріи, или, наконецъ, попробуйте атаковать батарею въ развернутомъ фронтѣ или въ баталіонной колоннѣ (Денисвицъ 1813 г.), и вы убѣдитесь въ важномъ значеніи геометрическаго элемента. Отдавая, такимъ образомъ, полную справедливость геометрическому началу, мы имѣемъ въ виду только предостеречь отъ злоупотребленія, отъ увлеченія имъ, въ которое весьма легко впадаютъ догматическіе военные писатели—упрекъ, который еще Морицъ Саксонскій дѣлаетъ Фолару (онъ равно относится ко всѣмъ теоретикамъ), обвиняя его въ томъ, что, считая храбрость за величину постоянную, онъ не принимаетъ ее въ расчетъ, между тѣмъ, какъ ничто такъ не измѣнчиво, какъ именно храбрость.... И дѣйствительно: откройте любую тактику, и вы увидите, что геометрическому элементу посвящено до того предпочтительное вниманіе, что сама тактика едва ли не обращается въ трактатъ о геометрическомъ началѣ. Этого увлеченія не чужды частью и историческіе военные писатели, которые, при критическомъ разборѣ какого либо факта, главную причину успѣха или неудачи стараются предпочтительно отыскивать въ уваженіи или пренебреженіи къ геометрическому началу. Напримѣръ, причинами потери Фридрихомъ коллинскаго сраженія (1757 г.) обыкновенно приводятъ: недостатокъ въ легкой пѣхотѣ, слишкомъ смѣлое фланговое движеніе вдоль фронта непріятельской позиціи, несчастный діагональный маршъ (*), излишне длинная атака прусской кавалеріи,—всѣ, кромѣ первой, геометрическаго свойства. Между тѣмъ, при болѣе правильномъ взглядѣ на предметъ, оказывается, что главная причина потери Пруссаками

(* *Диагональный маршъ, приниманіе на походъ*, несмотря на затруднительность исполненія его (часть, двигавшаяся подобнымъ образомъ, приходила въ невообразимое разстройство: Коллинъ и Гроссъ-Іегеридорфъ), употреблялся прусскою пѣхотою при Фридрихъ Великомъ весьма часто, и, притомъ, на значительномъ разстояніи. Къ этому чрезчуръ искусственному и крайне опасному движенію обыкновенно прибѣгали, чтобы обмануть непріятеля насчетъ направленія, избраннаго для атаки, чтобы незамѣтно обойти его въ глазахъ его же. Діагональный маршъ у насъ отмѣненъ въ пѣхотѣ; у Французовъ и Австрийцевъ онъ и теперь еще принять, впрочемъ на незначительныя разстоянія.

этого сраженія была чисто нравственнаго свойства. Австрійскій главнокомандующій, Даунъ, считая сраженіе проиграннымъ, разослалъ адъютантовъ съ приказаніемъ начать отступленіе. Едва это приказаніе было передано полковнику Бенкендорфу, какъ онъ, обратясь къ своему полку, со словами: «непріятель наступаетъ: пусть отступаетъ кто хочетъ, храбрые же да послѣдуютъ за мной», бросился впередъ. Конечно, трусовъ не оказалось: весь полкъ пошелъ за нимъ. За этимъ полкомъ послѣдовалъ полкъ С.-Иньона, а за нимъ—вся кавалерія Надасти. Пруссаки на всѣхъ пунктахъ были опрокинуты. Такимъ образомъ, сраженіе, считавшееся уже проиграннымъ, было выиграно, благодаря порыву храбрости одного изъ офицеровъ, порожденному, какъ говорятъ, приличнымъ завтракомъ и нѣсколькими осушенными бутылками (*). Вотъ главная причина потери Фридрихомъ коллинскаго сраженія. Конечно, и указанныя выше обстоятельства дѣйствовали неблагоприятно на ходъ сраженія для Пруссаковъ, затрудняя имъ успѣхъ; но не въ нихъ кроется главный источникъ неудачи.

Это одинъ изъ видовъ увлеченія геометрическимъ элементомъ, ведущій къ пренебреженію или, по крайней мѣрѣ, къ забвенію главнаго начала — нравственнаго элемента, и имѣющій ближайшимъ слѣдствіемъ преувеличенное представленіе о важности геометрическаго начала, т. е. искаженіе взгляда на истинное значеніе этого предмета.

Есть еще другой, болѣе грубый, видъ увлеченія геометрическимъ элементомъ, заключающійся въ нелѣпомъ поклоненіи формѣ, безъ яснаго сознанія идеи, ея осуществляемой. Весьма поучительный фактъ, въ этомъ родѣ, представляетъ поведеніе прусскаго генерала Рюхеля въ сраженіи при Іенѣ, предполагавшаго, что достаточно, кстати или некстати, построить войска въ направленіи косвенномъ къ непріятельскому расположенію, и, благодаря магическому вліянію косвеннаго боеваго порядка (**), побѣда несомнѣнна.

(*) Bismark. *Tactique de la cavalerie*. 1821. P. 57 et 58.

(**) Знаменитый косвенный боевой порядокъ, благодаря своему современному употребленію котораго были выиграны Эпминономъ сраженія при Левктрахъ и Мантиней и нѣкоторыя изъ сраженій Фридриховой эпохи, вслѣдствіе туманныхъ толкованій его, совратилъ не одну слабую голову, между тѣмъ, какъ онъ представ-

Къ подобному же роду увлеченія геометрическимъ элементомъ, заключающагося въ безсмысленномъ пониманіи формы, слѣдствіи ложнаго теоретическаго изученія военнаго дѣла, принятіи всего на слова, останавливаніи на поверхности и не восхожденіи до причинъ, или умственнаго поврежденія педантическимъ плащпараднымъ образованіемъ, слѣдуетъ отнести также и поведеніе генерала Шметтау, въ сраженіи при Ауэрштедтѣ, забывшаго коренное правило тактики, что успѣхъ атаки зависитъ въ особенности отъ быстрого, безостановочнаго движенія («дѣло не въ томъ, чтобы перебить большее число неприятельскихъ войскъ, а въ томъ чтобы скорѣе настичь его», сказалъ Фридрихъ), и постоянно останавливавшая и равнявшая длинныя прусскія линіи, при движеніи ихъ въ атаку. О подобномъ недѣльномъ пониманіи формъ считаю лишнимъ распространяться.

Рядомъ съ геометрическимъ элементомъ существуетъ болѣе важный нравственный элементъ, который служитъ болѣе вѣрнымъ ключемъ къ уразумѣнію всѣхъ разнообразныхъ явленій, встрѣчающихся на войнѣ. *Не принимая его въ соображеніе, какъ это болѣею частію дѣлается, многое останется неразъясненнымъ, а еще большее представится въ превратномъ видѣ.* Чѣмъ, напримѣръ, объяснить причину рѣдкаго случая доведенія атакъ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, до конечнаго ихъ предѣла, до рукопашной схватки, какъ не нравственнымъ состояніемъ войскъ? Чѣмъ объяснить то явленіе, что кавалерія (предполагая ее построенною въ выгоднѣйшую форму для атаки, въ подобномъ случаѣ, вообще при соблюденіи всѣхъ геометрическихъ условій), несущаяся въ атаку на каре, сберегающее огонь до послѣдней крайности, не дождавшись выстрѣла, поворачиваетъ у самаго каре, какъ не упадкомъ въ ней нравственной силы? Таково преобладающее значеніе нравственнаго элемента на войнѣ (успѣхъ на войнѣ, какъ уже неоднократно выше было приведено, зависитъ на двѣ трети отъ нравственныхъ условій и на

лаетъ вещь самую простую. Подобно тому, какъ идеѣ атаки, равносильной по всему протяженію фронта, соответствуетъ параллельный боевой порядокъ, идеѣ веденія атаки на одинъ какой нибудь пунктъ неприятельскаго расположенія соответствуетъ, какъ форма, ее осуществляющая, косвенный боевой порядокъ.

одну только треть отъ вещественныхъ), подтверждающееся, между прочимъ, и тѣмъ пренебреженіемъ, которое, безъ вреда успѣху, нерѣдко было оказываемо геометрическому началу со стороны войскъ, *въ высокой степени одушевленныхъ первымъ*. Трудно отыскать примѣръ болѣе чувствительнаго пренебреженія, оказаннаго геометрическому началу, какъ поведеніе одного изъ англійскихъ баталіоновъ въ сраженіи при Албуэрѣ, атаковавшаго французскую конную батарею въ развернутомъ фронтѣ и, несмотря на то, принудившаго ее къ отступленію. Причину успѣха Англичанъ надо искать въ нравственныхъ свойствахъ. Сличая уставы французскій и австрійскій, нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ томъ, что формы построенія австрійскія гораздо лучше французскихъ; тѣмъ не менѣе, Австрійцы испытали рядъ неудачъ въ послѣднюю кампанію. Причину такого явленія можно объяснить только нравственнымъ превосходствомъ Французовъ надъ Австрійцами.

Ставя, такимъ образомъ, формы построенія войскъ ниже духа, ихъ оживляющаго, мы только намѣрены обратить особенное вниманіе на упущеніе, которое такъ часто позволяютъ себѣ дѣлать военные писатели, и далеки, во всякомъ случаѣ, отъ мысли пренебрегать геометрическимъ началомъ. И оно, какъ уже выше было замѣчено, имѣетъ весьма важное значеніе. Если бы въ кампанію 1859 г. обѣ стороны въ одинаковой степени обладали нравственнымъ элементомъ, то, конечно, Французамъ пришлось бы поплатиться за ихъ отсталыя формы. Въ сраженіи при Албуэрѣ (1811 г.), главная причина пораженія Французовъ была чисто геометрическаго свойства — построеніе войскъ для атаки чуть ли не въ одну линію, безъ резервовъ. Въ сраженіи при Ватерлоо, причина страшныхъ потерь, понесенныхъ, во время неудачной атаки, корпусомъ Эрлона (до 5,000), заключалась въ нелѣпомъ построеніи его (*). Въ сраженіи при Денневицѣ (1813 г.), одинъ изъ прусскихъ баталіоновъ, въ колоннѣ атаковавшій французскую батарею, былъ почти весь уничтоженъ....

(*) Каждая дивизія (отъ 8 до 9 баталіоновъ) была построена въ отдѣльную колонну, составленную изъ развернутыхъ баталіоновъ, въ разстояніи 5 шаговъ одинъ отъ другаго, такъ что онѣ представляли собою массы въ 250 человѣкъ по фронту и отъ 24 до 27 шеренговъ глубиною.

Повторяемъ: невниманіе къ нравственнымъ условіямъ, при оцѣнкѣ разнаго рода вопросовъ, принадлежащихъ сферѣ военного дѣла, можетъ быть источникомъ самыхъ нелѣпыхъ взглядовъ и понятій. Были же писатели, пользовавшіеся авторитетомъ, позволявшіе себѣ сравнивать тактическія единицы съ мертвыми тѣлами, чуть ли не съ шашками, и ставившіе, на этомъ основаніи, успѣхъ атаки исключительно въ зависимость отъ сомкнутости и массы, допускавшіе, при столкновеніи, даже какое-то механическое давленіе шеренги на шеренгу. Подобный взглядъ, приравнваніе тактическихъ единицъ шашкамъ, полное забвеніе того, что онѣ состоятъ изъ атомовъ, одаренныхъ волею, мыслящихъ, чувствующихъ, могъ быть результатомъ только крайней односторонности, совершеннаго забвенія о существованіи нравственнаго элемента.

Да можетъ ли быть, вообще, какой либо вопросъ въ сферѣ тактики рѣшенъ, не только при полномъ устраненіи, но даже при недостаточномъ принятіи во вниманіе нравственныхъ свойствъ войскъ? Напримѣръ: изъ средствъ, служащихъ для встрѣчи наступающаго во второй періодъ боя, на мѣстности открытой, тактика предлагаетъ или движеніе на встрѣчу атакующему баталіонныхъ колоннъ, связанныхъ стрѣлковыми цѣпами (т. е. удару противопоставлять ударъ), или же пальбу развернутыхъ баталіоновъ. Можно ли, спрашиваемъ мы, отдать предпочтеніе которому либо изъ этихъ двухъ средствъ, не принимая во вниманіе нравственныхъ свойствъ войскъ? Конечно, нѣтъ. Если ваша пѣхота обладаетъ въ высокой степени стойкостію и полныхъ равнодушіемъ къ огню, до того, что, даже въ эту критическую минуту, способна сохранить полное вниманіе къ командѣ (что необходимо для своевременной отдачи огня, для сосредоточенія его на одинъ какой либо пунктъ, для прекращенія его впоследствии, если непріятеля не удастся остановить огнемъ, съ тѣмъ, чтобы, перестроившись, ударить на него въ штыки или пропустить впередъ резервы) — случай, весьма рѣдко встрѣчающійся, и то развѣ въ войскахъ, испытанныхъ въ бою, закаленныхъ—то, конечно, нѣтъ ничего лучше, какъ встрѣтить непріятеля огнемъ развернутаго фронта. Въ противномъ же случаѣ, когда въ войскахъ нѣтъ вышеприведенныхъ качествъ, при всѣхъ остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, слѣдуетъ отдать предпочте-

ніе встрѣчѣ атакующаго ударомъ баталіонныхъ колоннъ. Такимъ образомъ, только принятіе во вниманіе преобладанія въ войскахъ того или другаго нравственнаго качества дастъ возможность произнести окончательный приговоръ относительно предпочтительнаго употребленія той или другой формы построенія ихъ въ извѣстномъ случаѣ.

Сравнивая баталіонъ, построенный въ колонну къ атакѣ, съ баталіономъ, построеннымъ въ ротныя колонны, взвѣсивая выгоды и недостатки обѣихъ этихъ формъ, обыкновенно, въ результатѣ, считаютъ послѣднюю форму построенія менѣе выгодною для атаки, по недостатку въ ней самостоятельности. Подобный выводъ и справедливъ, и нѣтъ. Онъ совершенно вѣренъ для войскъ, въ которыхъ нравственный элементъ находится на слабой степени, съ которыми идея о взаимной поддержкѣ не сроднилась до чутья и которыми управляютъ начальники, недостаточно развитые, трусы, хотя и не передъ врагомъ, но трусы передъ старшимъ, боящіеся отвѣтственности и не рѣшающіеся на что либо безъ положительнаго толчка свыше. Въ противномъ случаѣ, гдѣ эти неблагопріятныя условія не имѣютъ мѣста, тамъ полное предпочтеніе слѣдуетъ отдать, передъ колонною къ атакѣ, баталіону, построенному въ ротныя колонны. (Причины тому будутъ изложены ниже.)

Все это ясно показываетъ, до какой степени односторонни и ложны должны быть выводы тѣхъ, которые, при рѣшеніи тактическихъ вопросовъ, не принимали въ соображеніе нравственныхъ свойствъ войскъ.

Вообще вопросъ о предпочтительномъ употребленіи той или другой формы, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не можетъ быть рационально рѣшенъ при совершенномъ устраненіи нравственнаго элемента, потому что между этимъ послѣднимъ и геометрическимъ началомъ существуетъ весьма тѣсная связь, столь же тѣсная, какъ между духомъ и матеріей. Подобно тому, какъ тѣло и духъ, при полномъ подчиненіи перваго послѣднему, находятся въ зависимости другъ отъ друга (значительный запасъ душевныхъ силъ, даже при слабости тѣлесной, возвышаетъ на нѣкоторую степень физическія силы, равно какъ и крѣпость тѣлесная, въ свою очередь, отражается на увеличеніи душевныхъ силъ),—подобно тому духъ войскъ и различныя фор-

мы ихъ построения обнаруживаютъ постоянное вліяніе другъ на друга. Вліяніе духа войскъ на формы построения очевидно: въ войскахъ, одушевленныхъ въ высокой степени нравственнымъ началомъ, значеніе формы нисходитъ даже почти до нуля. Что же касается до обратнаго вліянія формъ построения войскъ на ихъ духъ, то и въ этомъ легко убѣдиться. Тысяча человѣкъ, построенные въ одну массу, скорѣе сочтутъ себя непобѣдимыми, чѣмъ та же тысяча, расположенные въ нѣсколько отдѣльныхъ меньшихъ массахъ или рассыпанные въ цѣпь, въ которой солдатъ уже перестаетъ разсчитывать на массу, а соображается во всемъ только со своею личною единицею,—такъ что *формы построения войскъ, способствуя въ выоднѣйшему употребленію, въ извѣстныхъ случаяхъ, тѣхъ средствъ, которыми каждый родъ войскъ обладаетъ, для пораженія непріятеля, содѣйствуютъ, въ свою очередь, большому или меньшему проявленію нравственнаго элемента въ войскахъ.* Такимъ образомъ, изъ всѣхъ формъ построения цѣпь всего менѣе способствуетъ къ проявленію нравственнаго элемента. «Въ ней, какъ замѣчаетъ маршалъ Бюжо, нѣтъ той нравственной силы, которая происходитъ отъ единства командованія и чувствованія локтя.» Различныя формы сомкнутаго строя способствуютъ уже большому развитію нравственнаго элемента. Принимая за основаніе, что нравственный элементъ возрастаетъ съ массою, мы вправѣ заключить, что онъ достигаетъ наибольшаго развитія въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ войска принимаютъ болѣе сосредоточеннаго расположенія. Слѣдовательно, въ колоннѣ онъ будетъ находиться на высшей степени, чѣмъ въ развернутомъ строѣ. Изъ всѣхъ видовъ сомкнутаго строя онъ слабѣе проявляется въ каре, потому что большая часть людей находится въ невыгодномъ положеніи въ отношеніи къ непріятелю (тыломъ или флангомъ).

Наконецъ, *преобладаніе извѣстнаго нравственнаго качества въ войскахъ требуетъ, для полнаго своего проявленія, той или другой формы ихъ построения.* Напримѣръ: стойкость подъ огнемъ, спокойное состояніе духа — le courage froid—качество, врожденное преимущественно Англичанамъ, требуетъ развернутаго строя. При этихъ условіяхъ, онъ, въ оборонѣ, пріобрѣтаетъ громадную силу. Бѣшеное увлеченіе—l'impetuosité—отличительная черта французскихъ войскъ (fugia francesca), требуетъ колонны....

Этимъ и объясняется предпочтительное употребленіе, въ различныхъ арміяхъ, того или другаго вида строя, въ зависимости отъ преобладающей черты въ характерѣ той или другой націи.

Все вышеизложенное ясно доказываетъ, на сколько, при разборѣ какого бы то ни было тактическаго вопроса, необходимо принимать во вниманіе нравственныя условія, и на сколько духъ войскъ и формы ихъ построенія находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга.

Въ періодъ гладкоствольнаго оружія, пѣхота имѣла четыре формы построенія: *строй развернутый, колонны, каре* и *разсыпной*. Достаточно ли этихъ формъ нынѣ и не потребуетъ ли новое оружіе введенія новыхъ или отміны нѣкоторыхъ изъ прежнихъ? Въ строгомъ смыслѣ, не потребуетъ ни того, ни другаго, потому что средства къ пораженію непріятеля остались тѣ же: пальба и ударъ; новое оружіе доставляетъ только возможность съ большимъ совершенствомъ пользоваться однимъ изъ прежнихъ средствъ — огнемъ. Для первой цѣли служитъ *разсыпной* строй, въ большей части случаевъ, и *развернутый*, въ видѣ изыятія, для второй колонны, въ разныхъ ихъ видахъ, и, наконецъ, *каре* для отраженія кавалерійскихъ атакъ, на мѣстности ровной. Съ другой стороны, нельзя же опять предполагать, чтобы, съ измѣненіемъ вооруженія, прежнія формы могли вполне сохранить свое прежнее значеніе.

Займемся разборомъ этого вопроса, принявъ во вниманіе, что главныя отличительныя свойства новаго оружія заключаются въ большей дальности и въ значительно большей мѣткости противъ прежняго, а вслѣдствіе того и въ усиленіи огнестрѣльнаго дѣйствія.

Для стрѣльбы употреблялись два вида строя: *развернутый* и *разсыпной* (*). По свойству ручнаго огнестрѣльнаго оружія,

(*) Разсыпной строй несправедливо считается нѣкоторыми нововведеніемъ конца прошедшаго столѣтія: онъ существовалъ во все время, чему доказательствомъ

въ прошедшем столѣтїи, преобладающее значеніе принадлежало первому; второй же являлся въ видѣ вспомогательнаго строя. Усовершенствованія, сдѣланныя въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи въ 1777 г., давшія возможность стрѣлять въ одиночныхъ людей, съ нѣкоторою вѣроятностію попасть въ нихъ иногда, придали ему уже большее значеніе, такъ что, въ этотъ переходный періодъ, оба вида строя имѣютъ какъ бы одинаковую важность. Послѣднія усовершенствованія въ оружіи, въ отношеніи предпочтительнаго употребленія, заставляютъ отдать полное преимущество разсыпному строю и требуютъ почти совершенной отмѣны развернутаго строя, который, въ настоящее время, можетъ быть употребленъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (при оборонѣ во второмъ періодѣ боя, для встрѣчи колоннъ атакующаго, на мѣстности ровной, при условіяхъ, указанныхъ выше; для встрѣчи кавалерійскихъ атакъ на мѣстности, обезпеченной съ фланговъ (Островно 1812 г.), и развѣ какъ строй, предохранительный отъ огня).

Уже при Наполеонѣ I значеніе рассыпнаго строя начало постепенно выдаваться, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его: «une ligne dans une journée importante passe toute entière aux tirailleurs, quelquefois même deux fois». Дѣйствительно, при томъ значеніи, которое теперь пріобрѣлъ рассыпной строй, назначеніе боевыхъ линій будетъ преимущественно заключаться въ смѣнѣ и подкрѣпленіи частей, дѣйствующихъ въ рассыпномъ строѣ, такъ что, во второй періодъ боя, рѣшительная атака будетъ уже дѣломъ резервовъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ. «Внимательно слѣдя за ходомъ боя между значительными частями, при вѣрной оцѣнкѣ, легко будетъ убѣдиться, что, въ теченіе $\frac{2}{3}$ продолжительности боя, онъ ведется за-

служать псилиты и веллиты древнихъ, аркебузирь-вольтижеры, столь много способствовавшіе Пескарѣ одержать, при Павїи, побѣду надъ Французами (1525 г.), и les enfants perdus времени Монлюка и Генриха IV.... Можно даже, съ нѣкоторою вѣроятностію, предполагать, что рассыпной строй предшествовалъ остальнымъ видамъ строя и что первоначально бой вѣденъ былъ не иначе, какъ именно въ этомъ видѣ строя, потому что для дѣйствія въ немъ достаточно только ловкости, проворства, такъ сказать, однихъ природныхъ качествъ, между тѣмъ, какъ для дѣйствія въ сомкнутомъ строѣ необходимы уже искусство, особенное тактическое образованіе (масса должна дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ и быть способна къ управленію ею однимъ человѣкомъ).

стрѣльщиками (Брандтъ, «Тактика», стр. 190).» Иногда даже, при особенныхъ условіяхъ мѣстности, большимъ тактическимъ единицамъ, какъ, напримѣръ, дивизіямъ, придется разсыпать большую часть людей въ стрѣлки, поддерживая ихъ небольшими колоннами. Въ такомъ порядкѣ (*en volée de pigeons*) произведена была атака лѣваго фланга альминской позиціи дивизіями Канробера и принца Наполеона (тамъ же).

Разсыпной строй, при несомнѣнныхъ выгодахъ (главное достоинство новаго оружія — мѣткость, нигдѣ не получаетъ столь полного примѣненія, какъ въ рассыпномъ строю), имѣетъ также весьма важные недостатки: форма эта менѣе другихъ способствуетъ сохраненію и развитію нравственнаго элемента и въ весьма сильной степени затрудняетъ командованіе. На устраненіе этихъ именно недостатковъ должно быть теперь обращено особенное вниманіе. Весьма важный шагъ, въ этомъ отношеніи, былъ сдѣланъ введеніемъ раздѣленія цѣпи на звѣнья.

Для успѣшнаго дѣйствія въ рассыпномъ строѣ, каждому солдату должна быть предоставлена полная свобода (въ выборѣ мѣста для расположенія, цѣли для выстрѣловъ....); но нигдѣ, какъ въ томъ же рассыпномъ строѣ, свобода эта, столь необходимая для пользы дѣла, не можетъ быть такъ легко обращена ко вреду его, потому что нигдѣ солдатъ, укрываясь отъ непріятели, не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ легко укрыться отъ надзора начальника, что можетъ быть источникомъ страшныхъ злоупотребленій. Какимъ образомъ устранить этотъ недостатокъ? другими словами: какъ рѣшить вопросъ относительно предоставленія солдату свободы на столько, на сколько это будетъ необходимо для пользы дѣла, и какъ, въ то же время, лишитъ его возможности употреблять эту же свободу во вредъ дѣлу?

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, въ этомъ отношеніи, оказывается раздѣленіе цѣпи на звѣнья изъ 3, 4 и большаго даже числа людей, обязанныхъ взаимною поддержкою и руководимыхъ однимъ изъ наиболѣе развитыхъ и расторопныхъ изъ числа боевыхъ товарищей. Этимъ путемъ оказывается возможнымъ предоставить достаточную свободу каждому стрѣлку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишитъ его возможности употребить ее во зло.

Сверхъ того, благодаря этому нововведенію, должна будетъ увеличиться какъ матеріальная, такъ равно и нравственная сила пѣши, въ чемъ нетрудно будетъ убѣдиться при сравненіи двухъ пѣпей: одной — раздѣленной на звѣнья, и другой, въ которой каждый солдатъ предоставленъ самому себѣ.

Хотя, такимъ образомъ, и устраняется отчасти одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ разсыпнаго строя, но было бы крайне ошибочно считать возможнымъ, какъ то, по крайней мѣрѣ, полагали нѣкоторые, разсыпать цѣлыя бригады и дивизіи вдругъ, даже при достаточномъ развитіи солдатъ и при распорядительныхъ, вполне подготовленныхъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ офицерахъ.

Предложеніе разсыпать цѣлые полки вдругъ встрѣчаемъ мы, между прочимъ, въ сочиненіи: *Über den Einfluss der neuen Feuerwaffen auf die Tactick im Allgemeinen von einem preuss. Infant. Off. 1857.* Самъ авторъ, на стр. 31, сознаетъ слабую сторону этого построенія, заключающуюся въ раздробленіи командованія и въ трудности собрать отдѣльныя части, для совокупнаго дѣйствія; но онъ полагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, съ одной стороны, невыгоды искупаются тѣми преимуществами, которыя представляетъ это построеніе, а съ другой — тщательнымъ упражненіемъ офицеровъ въ дѣйствіи въ подобномъ порядкѣ. Далѣе замѣчаетъ онъ: «Когда фаланги древнихъ преобразились въ римскіе легіоны и большія неповоротливыя средне-вѣковыя боевыя массы раздробились въ малыя, удобоподвижныя единицы бригады Густава-Адольфа, то, вѣроятно, голосъ негодованія былъ тоже слышенъ въ войскахъ, и приверженцы стараго порядка съ насмѣшкою и презрѣніемъ смотрѣли на эти нововведенія, не ожидая отъ нихъ ничего путнаго. Такова уже судьба всего на свѣтѣ!»

На сколько трудно согласиться съ авторомъ, видно изъ того, что 3-хъ-баталіонный полкъ въ разсыпномъ строѣ (т. е. въ ротныхъ колонныхъ) займетъ 1,800 шаговъ, а съ артиллеріею, полагая по батарее въ интервалахъ между баталіонами, болѣе 2,000. Изъ этого ясно, въ какой мѣрѣ подобное построеніе полка должно невыгодно отразиться на управленіи имъ.

На основаніи разобранныхъ выше свойствъ этого вида строя, онъ долженъ быть предпочтительно употребляемъ для пальбы, въ

теченіе всего перваго періода боя, и, какъ средство вспомогательное, во второмъ періодѣ атаки, а также и для производства атаки, какъ на мѣстности пересѣченной, такъ и на открытой, и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ въ отношеніи качествъ начальниковъ и войскъ. (Понятно, что подъ разсыпнымъ строемъ мы понимаемъ не одну цѣпь, а цѣпь, поддержанную болѣе или менѣе сильными резервами, до ротныхъ колоннъ включительно.)

Разберемъ предварительно тѣ начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться при пальбѣ изъ разсыпнаго строя, и затѣмъ уже перейдемъ къ употребленію этого вида строя при атакѣ.

Пальба разсыпнаго строя. При сближеніи съ непріателемъ на разстояніе вѣрнаго выстрѣла (для обороняющагося противъ одиночныхъ людей, на разстояніе 600 шаговъ; противъ колоннъ — отъ 800 — 1,000 шаговъ; для наступающаго эти дистанціи будутъ нѣсколько менѣе), стрѣлки, *не ожидая сигнала*, открываютъ огонь.

Прежде употреблявшійся сигналъ: «*стрѣлять*», отиѣненъ новымъ уставомъ. Употребленіе его допускается только въ томъ единственномъ случаѣ, «когда стрѣлкамъ, разсыпаннымъ за какимъ либо закрытіемъ, запрещено стрѣлать до приказанія, съ тѣмъ, чтобы допустить непріателя на дистанцію мѣткаго выстрѣла и потомъ неожиданно встрѣтить его сильнымъ огнемъ своей цѣпи». (Баталіонное ученье, 1860 г., § 309, примѣчаніе.) Сигналъ этотъ *не только былъ бесполезенъ*, потому что не всей цѣпи одновременно открывается непріатель, отчего и время открытія огня никакъ не можетъ быть одинаково для всѣхъ, *но даже положительно вреденъ*, потому что, по сигналу: «стрѣлять», солдатъ, хотя бы онъ никого не видѣлъ передъ собою, открывалъ огонь, и, такимъ образомъ, кромѣ вреда отъ напрасной траты патроновъ, происходилъ вредъ еще болѣе важный: солдатъ страшно портился для боя, привыкая стрѣлать на воздухъ, не избравъ предварительно цѣли для выстрѣловъ.

При пальбѣ изъ разсыпнаго строя, необходимо имѣть въ виду: а) *вымѣрять шагами разстояніе до различныхъ предметовъ, впереди находящихся*. Конечно, это возможно только для обороняющагося, и то при заблаговременномъ занятіи позиціи; б) *каждый стрѣлокъ долженъ стрѣлать не иначе, какъ избравъ пред-*

сартельно цаль для вистрѣловъ. Противъ этого столь важнаго правила солдатъ часто грѣшилъ. Вина тому частію заключалась, какъ выше было объяснено, во вредномъ значеніи сигнала: «стрѣлять», и отчасти въ ошибочномъ пониманіи солдатомъ правила, определеннаго уставомъ для очереди въ пальбѣ, нѣтъ до нѣкоторой степени рациональное основаніе въ осуществленіи идеи о взаимной защитѣ людей каждаго звѣна. Солдатъ изъ этого правила выводилъ, болѣею частію, то заключеніе, что оно существуетъ единственно въ видахъ непрерывности пальбы (взглядъ этотъ онъ, во всей вѣроятности, выносилъ изъ ученій пальбѣ въ сомкнутомъ строѣ, пальбѣ рядами: тамъ, дѣйствительно, это правило установлено для непрерывности огня), а потому, не заботясь о томъ, видитъ ли онъ передъ собою непріятеля, или нѣтъ, когда доходила до него очередь, стрѣлялъ на воздухъ. Такимъ образомъ, *прежня слабость огня изъ рассыпнаго строя обслѣдствъ не только оружіемъ худшаго качества, но и во многомъ ложнымъ обученіемъ солдата.* в) *Стрѣлокъ не долженъ упускать случая стрѣлять съ подставки,* отчего дѣйствительность огня удваивается, нѣтъ при этомъ въ виду точку опоры набирать ближе къ дулу, черезъ что погрѣшность отъ того, если бы ружье, при выстрѣлѣ, пошатнулось, значительно уменьшается. г) *Производить пальбу сначала рѣже, учащая ее по мѣрѣ сближенія съ непріятелемъ*—правило справедливое въ свое время, когда пѣхота была вооружена ружьями, стрѣлявшими на 300 шаговъ, и едва ли не лишнее въ настоящее время, потому что стрѣльба на дальнихъ дистанціяхъ, требуя установки прицѣла соответственно разстояніямъ, всегда будетъ медленнѣе пальбы на близкихъ дистанціяхъ, безъ прицѣла.

Къ выгоднымъ свойствамъ рассыпнаго строя относятъ обыкновенно способность его къ стрѣльбѣ не только стоя на мѣстѣ, но и въ движеніи—выгода, несомнѣнно ему принадлежащая, но только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Противъ подобнаго рода пальбы большинство весьма справедливо возстаетъ. Она не можетъ имѣть достаточной мѣткости, да, наконецъ, и самое движеніе замедляется. Это старая истина, что пальба и движеніе исключаютъ другъ друга. *«Если мы хотимъ стрѣлять — говорить Грисгейнъ — то должны остановиться; если же наступать, то должны безостановочно идти впередъ.»*

Разсмотримъ предварительно, какъ бы выгодноѣ рѣшить вопросъ о согласованіи этихъ двухъ непримиримыхъ началъ (пальбы и движенія), и затѣмъ уже перейдемъ къ критическому разбору различныхъ рѣшеній вопроса.

Принимая во вниманіе, во первыхъ, что все, что вредитъ мѣткости пальбы, главному назначенію этого вида строя, не должно въ немъ имѣть мѣста, и, во вторыхъ, что движеніе и пальба несомѣстимы, мы полагаемъ, что единственное средство къ согласованію пальбы и движенія будетъ заключаться въ *наступленіи двумя цѣпами, изъ которыхъ одна будетъ двигаться, а другая, стоящая на мѣсть—стрѣлять*. Когда впереди идущая цѣпа остановится, откроетъ огонь и будетъ предвидѣться необходимость продолжать наступленіе, то задняя цѣпа снова приводится въ движеніе (перекатъ). Всякое же рѣшеніе этого вопроса, клонящееся къ совмѣщенію двухъ началъ въ одной и той же цѣпи, не достигаетъ цѣли.

Изъ различныхъ рѣшеній вопроса наименѣе удовлетвори- тельнымъ намъ кажется то, которое было принято въ нашемъ прежнемъ уставѣ, именно: выбѣганіе для стрѣльбы очередныхъ стрѣлковъ, во время наступленія цѣпи, на нѣсколько шаговъ впередъ.

Подобнаго рода наступленіе цѣпи съ пальбою можетъ быть допущено развѣ только во второмъ періодѣ боя, когда цѣпа наступаетъ въ промежуткѣ между колоннами.

Другое рѣшеніе, имѣющее въ основаніи ту же цѣль, какъ и предыдущее—согласованіе пальбы и движенія въ одной и той же цѣпи, попеременно перебѣгающей частями, какъ это, между прочимъ, допускаетъ новый уставъ (Баталіонное ученье, 1860 г., § 310), или вдругъ отъ одной линіи закрытій къ другой, и стрѣляющей только во время остановокъ, удовлетвориельнѣе предыдущаго; тѣмъ не менѣе, оно непрактично, во первыхъ потому, что этотъ способъ наступленія цѣпи съ пальбою не можетъ быть вовсе употребленъ во второмъ періодѣ боя, и, во вторыхъ, потому, что, какъ говоритъ генералъ Карцовъ, «остановившюся и закрытую мѣстностію цѣпа трудно поднять и двинуть впередъ». Не только трудно, прибавимъ мы, но даже едва ли возможно, потому что на опытѣ дознано, что даже въ сомкнутомъ строѣ (при пальбѣ изъ развернутаго строя), гдѣ управле-

не гораздо легче, чѣмъ въ разсыпномъ, весьма рѣдко удается прекратить пальбу, чтобы баталіонъ вести впередъ въ штыки: люди, занятые близостію непріятеля, не слушаютъ ни команды, ни сигнала.

Послѣдній недостатокъ вполне устраняется разсыпаніемъ за цѣпью ся резервовъ, съ цѣлью, когда наступитъ время для наступленія, двинуть впередъ не прежнюю цѣпь, а новую, позади разсыпанную. Прежняя цѣпь остается также разсыпанною. Такимъ образомъ, наступленіе производится двумя цѣпями (перекатами), изъ которыхъ одна стоитъ на мѣстѣ и стрѣляетъ, а другая находится въ движеніи.

При *отступленіи съ пальбою*, перекаты оказываются уже не столь удобными. Главная невыгода ихъ заключается въ томъ, что старая цѣпь отступаетъ на новую и тѣмъ закрываетъ огонь послѣдней. Сколько намъ кажется, въ подобномъ случаѣ, выгоднѣе всего было бы цѣпь, ближайшую къ непріятелю, собрать повзводно или пополузводно и отводить не прямо передъ собою, а, по возможности, на фланги позади расположенной цѣпи. Подобное группированіе, въ сферѣ непріятельскихъ выстрѣловъ, можетъ показаться опаснымъ; но эта опасность только мнимая, потому что непріятельскіе стрѣлки поспѣшатъ открыть огонь противъ болѣе опасной для нихъ вновь открывшейся цѣпи, такъ что сгруппированныя части отступающей цѣпи могутъ считать себя въ полной безопасности.

Но, могутъ возразить намъ, если трудно цѣпь, укрывшуюся мѣстностію и открывшую пальбу, передвинуть при наступленіи, то цѣпь отступающую еще труднѣе, даже едва ли возможно будетъ, заставить отступать въ такомъ порядкѣ, чтобы она своевременно открыла заднюю цѣпь. На это мы отвѣтимъ, что всякое отступленіе должно быть произведено въ порядкѣ: въ этомъ и заключается главное достоинство хорошихъ войскъ. Въ случаѣ же безпорядочнаго отступления, можно будетъ обратиться къ средству—правда, крайнему—приказать задней цѣпи сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по бѣгущей, тѣмъ не менѣе, въ подобномъ случаѣ, единственно дѣйствительному (генераль Сухозанетъ 1-й подъ Лейпцигомъ, 6 октября 1813 года; къ подобной же мѣрѣ принужденъ былъ обратиться Аннибалъ подъ Замою (203), чтобы остановить бѣгущія двѣ переднія линіи новобранцевъ).

О пальбѣ при фланговыхъ движеніяхъ, допускавшейся нашимъ прежнимъ уставомъ, и рѣчи быть не можетъ, потому что фланговья движенія должны производиться внѣ сферы выстрѣловъ, или подъ прикрытіемъ мѣстности или другихъ войскъ (*).

Атака. Смѣняя одну цѣпь другою и сблизясь съ непріятелемъ шаговъ, приблизительно, на 200, наступающій готовится къ атакѣ непріятельской цѣпи. Спрашивается: *въ какомъ порядкѣ и въ какомъ направленіи эта атака должна быть ведена?*

Главное правило тактики, что атака должна быть ведена не раздробленными силами, не равносильно по всему расположенію непріятеля, а на важнѣйшіе пункты его позиціи, сосредоточивая на нихъ наиболѣе сильный огонь и удары, справедливо при дѣйствіи какъ значительныхъ массъ, такъ и самыхъ мелкихъ отрядовъ. Отнявъ у непріятеля важнѣйшіе пункты и утвердившись на нихъ, мы принудимъ его къ немедленному отступленію на прочихъ.

Имѣя въ виду это основное начало, оказывается, что атака непріятельской цѣпи одновременно всею цѣпью (или по частямъ) допущена быть не можетъ. Атака цѣпью будетъ слишкомъ слаба, по недостатку въ ней сомкнутости, единства и по затруднительности управленія ею (для успѣха атаки необходимо, чтобы часть была вполнѣ въ рукахъ своего начальника — условіе, которому цѣпь не удовлетворяетъ: въ ней каждый стрѣлокъ предоставленъ самому себѣ). Слѣдовательно, вообще, на какой бы мѣстности ни пришлось атаковать непріятеля, атака цѣпью допущена быть не можетъ. Для этой цѣли служить послѣдовательная атака резервовъ въ разомкнутомъ или въ сомкнутомъ

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ изъ-за границы капитаномъ М. И. Драгомпровымъ, заимствуемъ слѣдующее описаніе весьма оригинальнаго ученія въ одной изъ иностранныхъ армій наступленію и отступленію съ пальбою пѣхоты, находившейся въ разсыпномъ строѣ.

«Рота, обучаемая наступленію и отступленію съ пальбою, была построена въ двѣ шеренги, разомкнутыя на 5 шаговъ интерваловъ между рядами, — шеренга отъ шеренги въ 10 шагахъ. По сигналу: «*наступленіе*», унтеръ-офицеръ, находившійся за серединою роты, выбѣжалъ на 10 шаговъ передъ первую шеренгу и остановился, имѣя ружье передъ собою прикладомъ вверхъ; затѣмъ задняя шеренга прошла въ интервалы передней, остановилась на высотѣ унтеръ-оффцера и выровнялась по нему.... Унтеръ-офицеръ отсчиталъ еще десять шаговъ: шеренга, оставшаяся назадъ, прошла сквозь переднюю и продолжала то же самое (то же и при отступленіи, только въ обратномъ порядкѣ).»

порядкѣ, что, конечно, будетъ зависѣть отъ свойства мѣстности: на мѣстности ровной—въ сомкнутомъ, на мѣстности пересѣченной—въ разомкнутомъ порядкѣ.

Перейдемъ теперь къ разбору другаго вопроса: *въ какомъ направленіи атака должна быть ведена?*

Конечно, выборъ пункта для атаки зависитъ отъ многихъ условій: отъ мѣстности, расположенія войскъ, направленія пути отступления или пути соединенія съ прочими войсками.... Мы примемъ здѣсь въ соображеніе только мѣстность.

1) На *мѣстности разнообразной* придется атаку вести съ фронта или съ фланга, смотря по тому, въ какихъ частяхъ неприятельской позиціи будутъ находиться важнѣйшіе пункты.

2) На *мѣстности ровной* выгоднѣ всего будетъ направлять атаку на фланги неприятельской цѣпи. Вообще, обхватывающія атаки представляютъ слѣдующія выгоды: *въ матеріальномъ отношеніи*—возможность ударить совокупными силами на слабую часть неприятельскаго расположенія, поражать неприятеля сосредоточеннымъ огнемъ, и, въ особенности, въ *нравственномъ отношеніи* — угроженіе отрѣзать путь отступления.

Что касается до невыгодъ подобнаго образа дѣйствій: раздробленія силъ и ослабленія резерва, то онѣ не важны для наступающаго, который, въ большей части случаевъ, бываетъ сильнѣе обороняющагося.

Атака во флангъ опасна для пѣхоты, дѣйствующей въ сомкнутомъ строѣ; но она еще больше опасна для разсыпной, потому что, какъ весьма справедливо замѣчаетъ маршалъ Бюжо: «Стрѣлки не могутъ имѣть той нравственной силы, которая истекаетъ отъ чувствованія локтя и единства командованія. Каждый стрѣлокъ самъ собою управляетъ и соображается только со своими силами. Видя приближеніе неприятеля болѣе сильнаго и чувствуя себя слишкомъ слабымъ, чтобы сопротивляться, онъ начинаетъ отступать. Сосѣдь его справа и слѣва дѣлаетъ то же самое и увлекаетъ, въ свою очередь, сосѣднія съ нимъ пары, которыя, такимъ образомъ, отступаютъ изъ подражанія (*par imitation*) и изъ опасенія быть отрѣзанными». При дальнѣйшемъ наступленіи, *преслѣдованіи*, цѣпь наступающаго должна стараться настигнуть отступающую цѣпь, чтобы, по возможности, избѣгнуть огня позади расположенной новой неприятельской цѣпи. Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ того, когда начала отступать неприятель-

ская цѣпь: на близкомъ ли разстояніи послѣ столкновенія, или же на дальнемъ разстояніи. Въ послѣднемъ случаѣ, придется остановиться, открыть огонь и дѣйствовать противъ новой непріятельской цѣпи, подобно тому, какъ противъ прежней. Изъ этого одного уже видно, даже не принимая во вниманіе мѣстности, на которой придется дѣйствовать, разнообразной до безконечности, до какой степени всѣ правила, относящіяся до употребленія разсыпнаго строя, условны—новое подтвержденіе взгляда, изложеннаго нами выше, что имъ не мѣсто въ уставѣ.

О ротныхъ колоннахъ. Нѣкоторые смотрятъ на ротныя колонны какъ на резервъ цѣпи, почему и эту форму построения относятъ къ разсыпному строю; другіе, напротивъ того, относятъ ее къ сомкнутому. Это, вѣрнѣе, переходная форма между обонимъ видами строя, которая одинаково можетъ быть отнесена какъ къ тому, такъ и къ другому изъ нихъ. По случаю перенесенія поля сраженія на мѣстность преимущественно разнохарактерную, и вслѣдствіе стремленія къ уменьшенію вреда нынѣ усилившагося огня, форма эта пріобрѣтаетъ особенное значеніе, почему и требуетъ болѣе обстоятельнаго разбора (*).

Для ближайшаго ознакомленія со свойствомъ этой формы, сравнимъ баталіонъ, построенный въ двѣ или нѣсколько линій ротныхъ колоннъ, съ баталіономъ, построеннымъ въ колонну къ атакѣ.

Въ баталіонѣ, построенномъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, все рассчитано на весьма упорный и продолжительный бой; все рассчитано, чтобы по частямъ, по мѣрѣ надобности, вводить меньшее или большее число войскъ въ бой. Строй этотъ богатъ средствами къ частой смѣнѣ войскъ и сохраняетъ все-таки

(*) Ренаръ приписываетъ введеніе этой формы построения Пруссакамъ (взводное взводовъ въ баталіонѣ поротно, для облегченія фронтальнаго движенія развернутаго баталіона; при дѣйствіи на мѣстности пересѣченной; для занятія одною и тою же частью войскъ большаго пространства).

Нашимъ ротнымъ колоннамъ соответствуютъ, въ австрійскомъ уставѣ, дивизионныя колонны, строящіяся по среднимъ взводамъ дивизионовъ. (Австрійскій баталіонъ состоитъ изъ 3-хъ дивизионовъ, 6-ти ротъ, 24-хъ взводовъ, и въ каждомъ взводѣ 16-ть рядовъ.)

Въ прусской арміи, баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ строится точно такъ же, какъ у насъ баталіонъ со взводными поротно взводами.

У Французовъ нашимъ ротнымъ колоннамъ соответствуютъ взводныя (у нихъ рота, какъ хозяйственная единица, соответствуетъ взводу въ боевомъ отношеніи). Каждая рота строится въ полувзводную колонну на половинныхъ дистанціяхъ.

значительную часть въ резервъ. Смѣняющія части отходятъ къ резерву, устраниваются здѣсь, пока смѣнившія ихъ ведутъ бой. Части эти потомъ смѣняются другими..... Такимъ образомъ, является возможность однимъ баталіономъ вести весьма упорный и продолжительный бой, такъ что баталіонъ, построенный въ подобномъ порядкѣ, менѣе нуждается въ содѣйствіи второй боевой линіи, которая, вслѣдствіе того, можетъ быть, безъ вреда для первой, поставлена дальше, что, при нынѣшнемъ оружіи, весьма важно.

«Въ настоящее время—говоритъ генералъ Карцовъ («Тактика», 1855 г., ч. II, стр. 17, перемены и дополненія къ 1 части) — даже и при дѣйствіи большихъ силъ, огонь стрѣлковой цѣпи и успѣшное ея наступленіе приобрѣли первостепенную важность и рѣшительное вліяніе на общій ходъ боя. Если обороняющійся будетъ усиливать или смѣнять одну цѣпь другою, то и наступающій, особенно на мѣстности пересѣченной, принужденъ будетъ смѣнить первую линію второю еще прежде, чѣмъ дойдетъ до сомкнутаго строя противника. Для этого всего лучше имѣть баталіоны первой линіи выстроенными въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ и наступать по очереди, смѣняя однѣ роты другими прохожденіемъ линіи. Чѣмъ больше линій одна за другою будетъ построено, тѣмъ скорѣе и съ меньшею потерею можно будетъ оттѣснить разсыпную пѣхоту обороняющагося и приступить къ рѣшительной атакѣ его сомкнутыхъ войскъ.»

Въ баталіонѣ, построенномъ въ колонну къ атакѣ, напротивъ того, *все рассчитано на достиженіе рѣшительныхъ результатовъ въ кратчайшее время* (что, при нынѣшнемъ состояніи оружія, почти невозможно: цѣль все-таки можетъ быть не достигнута, а потери будутъ весьма велики (*); отличительная характеристическая черта боя въ настоящее время, и въ особенности перваго его періода, есть упорность и продолжительность).

Хотя и здѣсь являются, подобно предъидущему случаю, три линіи, но линіи эти крайне не соразмѣрны между собою: ближайшіе резервы слишкомъ слабы для большей части случаевъ,

(*) Это значило бы, по мнѣнію одного знаменитаго писателя, «пантировать зботомъ противъ банка, заключающаго въ себѣ только мѣдные деньги.»

а главный резервъ (въ одной массѣ), напротивъ того, слишкомъ силенъ (*).

Не обладая средствами къ частой смѣнѣ и къ соразмѣрнымъ съ надобностію подкрѣпленіемъ выдвинутыхъ впередъ частей, баталіонъ въ колоннѣ къ атакѣ скорѣе израсходуетъ свои силы, даже до того скоро, что не успѣетъ вовремя возстановить ихъ. Вотъ почему онъ не способенъ къ упорному и продолжительному бою и находится въ большой зависимости отъ 2-й боевой линіи, которая съ этою цѣлью должна быть поставлена ближе къ 1-й, что крайне невыгодно, при нынѣшнемъ оружіи.

При движеніи въ атаку, баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ, смотря по важности атакуемаго пункта, можетъ двинуть одну, двѣ, три или всѣ четыре роты. Баталіонъ въ колоннѣ къ атакѣ всегда долженъ двинуться въ полномъ составѣ, слѣдовательно вводить въ бой большее число войскъ, чѣмъ нужно для достиженія предположенной цѣли.

Если будутъ двинуты въ атаку изъ баталіона, построенаго въ ротныя колонны, одна, двѣ или даже три роты, баталіонъ сохранитъ всегда, независимо отъ 2-й боевой линіи, ближайшій резервъ, въ которомъ онъ будетъ имѣть превосходное средство къ довершенію успѣха, а въ случаѣ неудачи—къ облегченію отступленія разбитыхъ частей. Баталіонъ же въ колоннѣ къ атакѣ можетъ, въ подобномъ случаѣ, рассчитывать на содѣйствіе только 2-й боевой линіи.

Баталіонъ, построенный въ ротныя колонны, при движеніи въ атаку, имѣетъ еще весьма важное преимущество передъ баталіономъ, построеннымъ въ колонну къ атакѣ: преимущество это заключается въ развлеченіи вниманія непріятеля относительно пункта, избраннаго для атаки, тогда какъ движеніе въ атаку баталіона, построенаго въ колонну къ атакѣ, ему отчасти ранѣе обнаруживаетъ намѣреніе наступающаго.

(*) Предположимъ, что непріятель угрожаетъ правому флангу нашей цѣпи. Подкрѣпить ее ближайшимъ резервомъ, взводомъ, будетъ слишкомъ мало; двинуть цѣлый баталіонъ — слишкомъ много, да и притомъ опасно, потому что, въ то время, какъ баталіонъ въ полномъ составѣ двинется для подкрѣпленія праваго фланга, непріятель можетъ ударить другою ротою на лѣвый флангъ. Конечно, придется послать цѣлую роту, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, баталіонъ перестроитъ въ ротныя колонны,

При оборонѣ, когда одна линія ротныхъ колоннъ будетъ опрокинута, она смѣняется другою, позади которой устроивается. Такимъ образомъ, смѣняя одну линію другою, является возможность (подобно тому, какъ при наступленіи) вести въ этомъ порядкѣ продолжительное время бой, независимо отъ 2-й боевой линіи—качество, которымъ не обладаетъ колонна къ атакѣ.

Если ко всему этому присоединить еще, что движеніе линіи ротныхъ колоннъ удобнѣе (легче обходить преграды), чѣмъ движеніе линіи баталіонныхъ колоннъ, и избѣгаются беспорядки, сопряженные съ движеніемъ развернутой линіи, что линія ротныхъ колоннъ можетъ быть вдвое скорѣе развернута, чѣмъ линія баталіонныхъ колоннъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что построеніе въ ротныя колонны (преимущественно въ двѣ линіи) есть строй, наиболѣе удобный для перваго періода боя (огнестрѣльнаго) и представляющій, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, весьма важныя выгоды къ употребленію его и во второмъ періодѣ боя, въ минуту рѣшительной атаки.

Сверхъ того, для отдѣльно дѣйствующаго баталіона, на какой бы мѣстности и при какихъ бы обстоятельствахъ ни приходилось ему дѣйствовать, наиболѣе выгоднымъ порядкомъ построенія оказываются ротныя колонны (въ нѣсколько линій), на томъ основаніи, что, какъ бы часть мала ни была, никогда не слѣдуетъ располагать ее въ одной массѣ, безъ резерва.

Сдѣланный нами сравнительный обзоръ выгодъ, представляемыхъ ротными колоннами и баталіономъ, построеннымъ въ колонну къ атакѣ, говоритъ весьма много въ пользу ротныхъ колоннъ. Какое же значеніе слѣдуетъ, послѣ этого, придавать тѣмъ упрекамъ, которые дѣлаютъ этой формѣ построенія въ отношеніи трудности управленія частію, подобнымъ образомъ построенной, и недостатка въ ней самостоятельности? («Regardée au point de vue théorique, cette formation (en colonnes par compagnies) doit être employée avec réserve; elle ne *paraît avoir ni assez de ressources d'attaque, ni assez de forces de résistance, pour être mise en usage toutes les fois qu'on en vient aux mains....*» Observations relatives à la brochure du g. Jomini, p. 38.)

Все это, равно какъ и сдѣланный нами выводъ о преимуществахъ построенія въ ротныя колонны, совершенно справедливо и нѣтъ, находится въ зависимости отъ нравственныхъ

качествъ войскъ, степени развитія ихъ ближайшихъ начальниковъ, способности ихъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и умѣнья ихъ пользоваться минутой.

Къ недостаткамъ разбираемаго нами построенія обыкновенно относятъ еще слабость его въ бою противъ кавалеріи. Съ точки нравственнаго элемента, имѣющаго столь рѣшительное вліаніе на ходъ боя двухъ родовъ войскъ другъ противъ друга, упрекъ этотъ будетъ совершенно справедливъ. Тысяча человекъ, построенныхъ въ каре, будутъ считать себя скорѣе непобѣдимыми, чѣмъ тѣ же 1,000, разбитые на нѣсколько ротныхъ каре или кучекъ, слѣдовательно лучше сохранять нравственныя силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, произведутъ болѣе сильное впечатлѣніе на непріятеля. Съ точки же матеріальнаго сопротивленія, которое можетъ быть оказано баталіоннымъ каре, ротнымъ каре или даже кучкою, мы считаемъ ихъ совершенно равносильными, потому что, съ уменьшеніемъ частей, изъ которыхъ строятся каре, уменьшается и протяженіе фронта частей, которыми кавалерія можетъ атаковать ихъ. Въ то время, какъ баталіонъ можетъ быть атакованъ, съ нѣсколькихъ сторонъ, двумя эскадронами, ротное каре не можетъ быть атаковано болѣе какъ эскадрономъ, а кучка — развѣ десяткомъ кавалеристовъ.

Вотъ что говоритъ Грисгеймъ о силѣ сопротивленія кучекъ (*Vorlesungen über die Tactick*, 276): «Небольшія кучки, отъ 20—50 человекъ, имѣютъ уже достаточную силу сопротивленія, которая, сравнительно, будетъ столь же велика, какъ и сила сопротивленія большихъ каре. Кавалерія этимъ малымъ, ёжеобразнымъ, кучкамъ можетъ нанести нѣкоторый вредъ не иначе, какъ прорвавъ ихъ. Ударъ же кавалеріи можетъ быть произведенъ только весьма короткимъ фронтомъ, собственно нѣсколькими лошадьми, слѣдовательно не будетъ имѣть большой силы; да притомъ и лошадямъ весьма легко пронестись мимо. Къ этому обыкновенно присоединяется еще и то обстоятельство, что прорывъ подобной кучки для кавалеріи нерѣдко сопряженъ со столь же большими потерями, какъ и прорывъ пѣлаго баталіона, такъ что, во многихъ случаяхъ, кавалерія поставлена бываетъ въ необходимость предварительно принять во вниманіе: стоитъ ли приносить столь большую жертву для дос-

тиженія столь ничтожнаго результата, и часто не рѣшается на атаку кучекъ.»

Случай употребленія ротныхъ каре можетъ встрѣтиться только тогда, когда атака кавалеріи будетъ внезапна для пѣхоты, находящейся въ ротныхъ колоннахъ; иначе, слѣдуетъ строить баталіонныя каре.

Переходя къ уставу, къ разбору правилъ, данныхъ для построенія ротныхъ колоннъ, нельзя не замѣтить, что трудно дать себѣ отчетъ, почему построенію ротъ въ колонны пополу-взводно отдано, въ новомъ уставѣ (Баталіонное ученье, 1860 г.), предпочтеніе передъ построеніемъ ихъ въ колонны повзводно, допускаемомъ прежнимъ уставомъ? Въ извѣстныхъ случаяхъ, первая форма можетъ быть выгоднѣе послѣдней, въ другихъ—наоборотъ; наконецъ, могутъ быть случаи, гдѣ потребуется роту построить въ колонну по отдѣленіямъ (за небольшимъ закрытіемъ), или развернуть, даже разомкнуть развернутую (для лучшаго предохраненія отъ огня, на мѣстности совершенно ровной). Все это показываетъ, что нельзя ни одной изъ формъ отдать предпочтеніе передъ другою, а слѣдуетъ допустить ихъ всѣ, предоставляя право на выборъ ихъ усмотрѣнію начальника.

(Продолженіе будетъ.)
